

РАГ 76109

Александр Яшин

НА БАЛТИКЕ БЫЛО

Сп

АЛЕКСАНДР ЯШИН

НА БАЛТИКЕ БЫЛО

СТИХИ

Александр Яшин

МОСКВА
СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
1942

ПРИЗЫВ

У колхозного правлења —
Вся деревня,
Все селенье.

По деревне мчатся кони,
Словно в гонках на призы,
Заливаются гармони —
Парни едут на призыв.

Ребятишки лезут выше —
На черемухи, на крыши
И завистливо глядят
На товарищей ребят.
Обсуждают ребятишки,
У кого ботинки чище,
У кого новей наряд.

Петухи, взлетев на крыши,
Запевают невпопад.

Подлетают к дому тройки
В кольцах,
В пряжках,
В бубенцах.

Шеи тонки,
Ноги бойки.
Председатель их встречает
У тесового крыльца.
Водит пальцем по усам.
Все осматривает сам.
Посмотрел на пристяжную,
Чмокнул:
В теле и бела.
Посмотрел на кореннную:
Что-то сбруя не светла.
— Бригадир, смените сбрую
Да заправьте удила.
Почему дуга не в лентах?
Где синюшки?
Где кумач?
Для текущего момента
Надо б в радугу запрячь.
У крыльца стоит рысак,
Бьет копытом так и сяк.
Парень чистит щеткой брюки,
Кепи чистит и пиджак.
Мать наказывает сыну:
— Как в наборную¹ войдешь,
Не сгибай, сыночек, спину,

¹ Наборная — на севере — помещение приемной комиссии, от слова «набор».

Пусть не дают молодежь.
Волю дай плечам упрямым —
Встань широкий на весы.

— Я и так не узок, мама! —
Говорит старушке сын.
— Да гляди, что ясный сокол,
Выше голову держи...
— У меня и так высоко!
— А пойдешь служить —
Служи,
Чтобы всей округе слава,
И семье и роду честь,
Чтобы мне пришлась по нраву
О твоей отваге весть.
Чтоб не взяли фрицы нашей
Ни единой полосы.
Будь и смеллив
И бесстрашен,
Убивай, гони их взашей,
Чтобы знали, чей ты сын...

Сын спускается с крылечка
И садится в тарантас.
Конь булавый рвется в пляс.
Мать распутала уздечку:
— Ну, сынок, — в счастливый час!

**

Не позабыть мне первых схваток,
Рывков вперед, дорог в крови,
Ночей под кровом плащ-палаток,
Как первой не забыть любви.

Все шло не так, как представлялось,
Как прочиталось,—
Все не так.
Все было ново:
Дождь, усталость,
Разрывы мин и рев атак.

Бывало, страх меня тревожил:
Как поведу себя в бою —
Не буду ль слишком осторожен?
Впаду в тоску
Иль устою?

И, убедившись, встав под дула,
Хлебнув и гула и огня,
Что сердце не захолонуло,
Кровь не свернулась у мёня,

Что я ни в чем других не хуже,—
Переношу тяжелый путь,
Я затянул ремень потуже
И широко расправил грудь.

Такая гордость обуяла,
Так показалось просто жить:
Прошел огнем под свист металла —
И все должны тебя любить.

В глазах, в словах —
одна победа,
Мечты, мечты наедине.

Кто эти чувства не изведал,
Тот, видно, не был на войне.

КРАСНАЯ ГОРКА

Красная Горка. Круча лесная.
Красный огонь по стволам.
С катера глянешь — сосны без края,
С воздуха — та же глушь расписная:
Здесь бы парить орлам.

Хвойные тени. Зеленая грива.
Серый овал валуна.
Глянешь с зализа — очень красиво,
Небо на диво,—
Воздух на диво,
И тишина, тишина.

Но наступать враги начинают —
И разражается гром:
Камни взлетают,
Сосны стреляют,
Дышит земля огнем.

Люди сидят в бетоне и в стали.
Много врагов сметено:
С воздуха лезли —

Землю вспахали,
С моря —
Пошли на дно.

Красная Горка ищет работы:
Чуть намекни, укажи —
Путь разметет для красной пехоты:
К небу взлетают фашистские дзоты,
Танки, дома, блиндажи.

Красная Горка. Мерзлые комья.
Светлый изгиб берегов.
Каждая тропка Сталина помнит,
Твердость его шагов;
Помнят каждая башня и створка...
Все мы — до одного —
Любим его
И верим в него:
Красное знамя
Над Красной Горкой
Взвито рукою его.

СТАЛИН В ЗЕМЛЯНКЕ

Нашу землянку мы звали дотом.
Каждый товарищ видел, входя,
Светлый, висящий над пулеметом,
В узенькой рамке портрет вождя.

Дочку подняв и любясь ею,
Он улыбался и ей, и нам.
Так он казался еще роднее,
Ближе и ласковей всем бойцам.

Немцы на нас напали с налета
С криком и посвистом:
— Ну — конец!
Три пулемета
У самого дота:
Воющим шквалом в упор — свинец.

Мы сплоховали,
Мы побежали.
Только один задержал ребят,
Крикнул:
— Товарищи, в доте Сталин!
И командир подхватил:
— Назад!

Если б дрожало все мирозданье,
Солнечный свет над землей погас,
То и тогда б озарило сознанье
Сталина имя в последний час.

— Слушай команду!
Гранаты в дело!
Ринулись мы в огневую волну.
Кто не припомнит
Из самых смелых
В эту минуту
Детей, жену.

Город любимый,
Родные лица,
Все, чем мы жили со школьных лет?
Вспомнилось:
В трудные дни для столицы
Сталин ее не покинул, нет.

Мы отогнали фашистов гранатой,
Мы их штыками кололи вслед.
Стал еще ближе, роднее ребятам
В узенькой рамке
Вождя портрет.

БАЛЛАДА О БАЛТИЙСКОМ ТАНКЕ

Балтийский танк попал в болота —
Еловая прогнулась гать.
Его бомбили с самолета,
Его фашистская пехота
Под вечер стала окружать.

Как он рычал и огрызался,
Взрывал закисший перегной!
Горячий дым по кочкам стлся.
Все нарастал,
Все приближался
К нему из лесу волчий вой.

С немецкой водкою в баклагах
Солдаты, как из-под земли,
Хлебая ржавчину в курпагах,
К нему со всех сторон ползли.

Танк бил врага
Из пулемета,
Потом он дал остить огню.
Мотор заглох...

И вот пехота
Из рощи — сзади,
От болота
Насела с гиком на броню.

Он, словно мамонт в ловчей яме,
Затихнув, бивень опустил.
Его потрогали штыками
И в штаб решили отвести.

Немецкий танк
Подкрался с тыла,
Чтоб наш разить его не мог.
Широкозадый, тупорылый
Фашистский слон
Что было силы
Налег на цепь
И поволок.

Вода и грязь текли с металла.
Осенний день совсем погас.
Два танка вышли из увала...

Но кто видел,
Когда бывало,
Чтоб на цепи водили нас?!

Едва из топкого болота
Советский танк взошел на вал,

Как вдруг
Шарахнулась пехота:
Мотор включенный заработал,
Зарокотал,
Забушевал.

Рванулся танк,
И к дальним хатам.
Подмяв пенек,
Подрезав ствол,
Он сам уже врага повел,
Пошел по пожне полосатой,
На третьей скорости,
На пятой,
На двадцать пятой он пошел.

Казалось, ветер в поле стих,
Казалось, ели молодели:
На танк во все глаза глядели,
И камни серые хотели,
Чтоб он оставил след па них.

ОСТРОВ

Между небом и водой
Есть клочок земли,
Он под нашей звездой.
Охраняют этот остров
Наши корабли.
Охраняют островок
Наши моряки;
Много к острову дорог,
Только взять его не просто —
Руки коротки.

Был с воды и с неба враг
По зеленой цели.
Подаваться ни на шаг
Наши не хотели.

Ходуном ходило море.
И враги умолкли вскоре
(Били их артиллеристы —
Залп за каждый выстрел,
Гидропланы с воздуха
Били их без роздыха).

Но враги не унялись,
В полдень снова ворвались.
Налетели самолеты.
Наши взяли их в работу,
Приняли гостей:
Два упало,
Три пропало —
Не собрать костей.

Через день опять бои:
Враг из синей дали
Подает сигнал:
«Свой!»
Не на тех напали!
Подтянулись моряки,
Подпустили
И в штыки
Весь десант взяли.

Кровь за кровь,
Смерть за смерть —
Подступаться к нам не сметь!

Есть на море островок,
Много к острову дорог
С моря и от берегов,
Да не для врагов.

Он земле родимой дорог,
Для него земля, что мать,
И ни наци, ни шюцкорам
Острова не взять.
Между небом и водой
Он под красною звездой.

ЗЕМЛЯНКА

Воен инженеру С. Т. Мандрике

До врага с полкилометра —
Ров, поляна, ели.
Ни минуты, чтоб от ветра
Сосны не скрипели,
И ни ночи,
И ни дня
Без тревоги, без огня.

Моряки и в ус не дуют,
Только строже глаз лихой —
Окопались и зимуют
У земли за пазухой.

Чуть пригнувшись, пролезаем,—
Я уже теплом дышу.
Поднимается хозяин,
Просит:
— Милости прошу!

Милости прошу гостей,
Будьте, словно дома.

Нет ли свежих новостей,
В битвах перелома?
Нет ли, словом,
 про войну
Под Ростовом
 на Дону?

Если есть,
Прошу присесть,
Окажите дому честь.

Озираемся, присели.
Что за роскошь в самом деле?
Прямо — дверь
И справа — дверь,
Слева — тоже двери,
Ширина — саженью мерь,
Не землянка — терем.

В мире нет прочней берлог.
Пол из досок
 ровен,
Крепче стали потолок —
Три наката бревен.
Хоть громы прямой наводкой —
Не пробьешь вовеки.
Не землянка, а подлодка —
Круглые отсеки.

Камбуз.
Печка, два котла,

Кот приблудный у стола.
Умывальник в уголку,
Полотенце на крюку.
И смолистый воздух.
Справа гнезда для гранат,
Пять винтовок, автомат —
Тоже в прочных гнездах.

Кубрик светел, как поднос,
Весь зашит в зеленый тес.
Со стены оглашено:
«Здесь курить воспрещено!»

У стены двойные нары:
Подойдешь и — ляжется.
Сено взбито —
даже старым
Жестко не покажется.
После боя сладко спится,
Много снов хороших снится.

Не беда, что каганец
Из консервной банки.
Не землянка, а дворец,—
Нет цены землянке.

Стол. Прибор для туалета —
Чашечка лучистая.
Вместо скатерти — газета,
Но газета чистая.

Не земляника — Дом культуры
Собственной архитектуры.

Мы глядим в углы, на свет,
Удивленью меры нет:
Превосходная квартира.
— А на сколько ж зим и лет?

Засмеялись моряки:
— Наши сроки коротки.
Нам на флоте и в пехоте
Жить на месте не с руки.

Может, солнце на восход —
И покинем этот дот:
Пусть играют в нем ребята,
Ну, а мы пойдем вперед.

А фашистов выставим,
Землю ими выстелим
Да возьмемся за работу —
Мы такое выстроим...

— — —

ПОЛЕ

„О поле, поле!...

Где конец его и где начало —
За два дня вокруг не обойдешь.
Рожь лежит:
Не ветром укачало —
Танки с глиною смешали рожь.

Здесь они, склонив стволы, стояли,
Как слоны в озерных тростниках,
Только птицы к ним не подлетали,
Не роились мухи на боках.

Трупы, загнивающие в яме,
Ржавые винтовки и штыки,
Желтый ров с размытыми краями.
Словно русло высохшей реки.

С прязною соломою окопы,
Скорлупа яиц, как черепа,
Проволокой спутанные тропы,
И на ней, как трупы,— три снопа.

Полюшко родное. Светлый воздух.
Политая потом грудь земли.
Уцелели радуги да звезды —
Чистым полем варвары прошли.

Мы стоим — бушлаты нараспашку.
Ничего!
Крепитесь, моряки!
Час придет — возьмемся за распашку.
Нам и поле поднимать с руки.

ТОВАРИЩУ ПО ОКОПУ

Комиссару Андрею Лебедеву

Теперь бы нам поля дожинать,
Зерно по лоткам ссыпать в закрома,
На свадьбах гулять,
Ягнят свежевать,
К зиме утеплять родные дома.

В березах чуфыкают косачи.
Теперь бы нам ходить на тока,
Под вечер огонь разводить в печи
И молча греться у огонька.

Но мины, мины свистят вокруг,
Война запесла над нами кулак.
Так пусть же погибнет заклятый враг:
Лежи, мой друг,
Не дрожи, мой друг,
Не отступай, мой друг, ни на шаг.

В Москве недостроены корпуса.
Мы, школ не окончив, пошли в поход

За наши дороги, за наши леса,
За русскую землю,
За свой народ.

Фашисты берут на шум, на испуг,
Стреляют, не целясь,
Идут в дыму.
Сдержись, мой друг,
Подпусти их, друг,
И молча выщелкивай по одному.

Мы жен разослали по деревням,
Детей переправили в глубь страны.
Так пусть обернется лицом к врагам
Весь ужас большой жестокой войны.

Не мины — трусость в бою страшна.
Но мы — моряки,
И сосед — моряк.
За нами стоит родная страна,
Кремля стена,
Ленинграда стена...
Так не отступим, мой друг, ни на шаг.

РУССКИЕ МЫ

Ливень смывает с деревьев пыль,
Демаскирует автомобиль:
Черные лаковые бока
Снова заметны издалека.
Я покрываю его попоной
Темнозеленой,
Из веток сплетенной,
И, оставляя в лесу в стороне,
Я не ропщу на дождь на войне!

Полем ползем,
Ложимся в окоп.
В каждом окопе соломы сноп.
Из-под соломы забили ключи,
Грязь проступила —
Лежи, молчи!
Пусть, размывая стenки окопа,
Струйки кричат о начале потопа,
Кости норд-ост продувает мне —
Стужа меня не страшит на войне.

Кашляем мы,
Но холоду рады,

Только бы мерзли, дрожали бы гады,
С ужасом ждали бы нашей зимы.
Сами всё вынесем:
Русские мы!

Пишет подруга из Сталинграда
О голубых вечерах в степи.
Нам ничего голубого не надо,
Мы говорим друг другу: терпи!

Пусть в эту осень не будет света,
Теплого вечера,
Бабьего лета,
Солнца, которое я воспевал,
Только б разбойник околевал.
Пусть разгуляется вихрь-коловорть:
Русскому — здорово,
Немцу — смерть.

Топи да будут непроходимы,
Небо — нелетным, черным от дыма,
В полночь — беззвездным,
К утру — безлуенным,
В полдень — знобящим, низким, чугунным.
Пусть оно будет тогда голубым,
Когда победим,

МОСКВА ЧИТАЕТ СТИХИ

Шинель откинув, встаю до рассвета,
От холода челюсти сводит мне.
Москва читает стихи поэта
О жизни товарищей, о войне.

Железные ритмы гремят набатом.
Где ходит он нынче — мой друг и брат?
Он был непоседливым, угловатым —
То слишком застенчив,
То грубоват.

Увидит знакомого, вскинет брови
И шествует дальше — широк, высок.
Лжеца обрывает на полуслове,
Друзей зазывает к себе на часок.

По всем кольцевым и тверским бульварам
Он тропку имел прямую, свою.
Бывал агрономом и кочегаром,
Пожары тушил,
Служил санитаром,
Жалел об одном:
Не бывал в бою.

А землю любил любовью солдата,
И только страна пошла воевать,
Ввалился заполночь в дверь Наркомата,
Сказал комиссару:
— Прошу призвать!

Во флотской шинели
Уже на платформе
По-дружески он говорил отцу:
Что русским поэтам
Военная форма
От века до ныне была к лицу.

Москва читает стихи героя
Про мужество наше, нашу войну.
Фашистские рации землю роют,
Беснуются наци,
Свистя и воя,
Глушат, забивают Москвы волну.

Эфир сатанинская рвет машина,
Стучат жернова,
Кричат петухи,
Кошачий концерт дают из Берлина.—
И я не могу разобрать стихи.

Но я, не читая, не слыша, знаю
И рад за поэта от всей души:
Должно быть, стихи его хороши,
Раз варвары эти так завывают.

«ВЛАДЫКА МИРА»

Мы выполняли приказ командира,
Цепью по линии фронта шли
И нарывались на «владыку мира»,
На «государя всея земли».

В поле за рвом,
У лесной сторожки,
Снег разгребая синей клешней,
На четвереньках
Он рыл картошку,
Мерзлую землю дробил пешней.

В поте лица своего старался,
Ногти обламывал,
Губы кусал.
Орден на впалой груди болтался,
Как номерок на шее у пса.

Бледный, костлявый, но «чистокровный»,
Руки немытые,
В ссадинах лоб.
Мощною челюстью, костью надбровной,

Выправкой, выходкой — питекантроп.
Фюгерский отпрыск в зеленой рвани.
Стали обыскивать —
только сопит.

В правом кармане —
Вошь на аркане,
В левом кармане —
Блоха на цепи.

В штаб привели его под коноем.
Хлебом пахнуло —
затрясся весь.

Видим: заколет дитя прудное,
Если ему не дадут поесть.

Дали. Нажрался.
Волосы вздыбил,
Чешется, стонет,
И тут же,
Днем
Снял кителек на меху, на рыбьем,
Начал палить воротник огнем.

Прятал глаза на допросе от света.
Что, мол, насиловал не один...
Звероподобный бандит.
И это
Старой Германии кровный сын?
Кровью людской поля заливая,
Мучая наших детей и жен,

Грабя дворцы, города сжигая,
Из преисподней поднялся он.

Но не осилить страны великой,
Не покорить ему наших сел.
Что ж ты трусливо бледнеешь, «владыка»?
Знал ведь, наверно, зачем пришел?

ПРЕДАТЕЛЬ

Он знал, что его жена проклянет,
Сорвет фотографию со стены.
Всю ночь проревет,
Весь день проревет,—
Ее отлучит от себя народ.—
Не пожалел он своей жены.

Он знал, что застонет от лютой тоски
И грохнется на пол седая мать,
Но встанет,
Смахнет слезу со щеки
И «сукиным сыном», сжав кулаки,
Родного сынка начнет называть.

Родитель — старик круглой и прямой,
Как пьяный, придет от соседей домой:
Под старость бесчестья ноша тяжка,
Не пощадил он и старика.

Не пощадил ни отчего крова,
Ни друга родного,
Ни края родного.

Он знал, что забудут дети отца,
И это не тронуло подлеца.
По их слезам
В предвечернюю мглу
Он, бросив окоп, перешел к врагу.

А мы лежим под шрапнельным дождем,
Под ветром, под снегом.
Земля, что лед.
Но мы поклялись, что с мест не сойдем,
А если сойдем,
То пойдем вперед.

На наше упорство,
На нашу жизнь
Без страха, родной народ, положись!

Мы тоже вдали от своих семей,
Едим на ходу
И спим в полусон,
В ночной темноте покурить не смей,
В засаде не кашляй —
Лежи, онемей,—
И мы ненавидим таких, как он.

Убейте его!
В полях, в сосняках
Из тысяч должны вы его узнать.
Не наша ли кровь у него на руках?

Кривит ему губы животный страх,
Он глаз от земли не смеет поднять.
Он жить хотел для себя одного.
Найдите его,
Затравите его!

Победа придет в огне и в дыму.—
Не всем суждено до нее дожить.
Так разве позволим трусу, ему
Осесть на готовое в нашем дому?!

Клянемся:
Тому никогда не быть.
Не пустим его на свое торжество.
Поймайте его!
Приколите его!

СНАЙПЕР

Он лежит в снегу глубоком,
Час лежит
И два лежит.
Где-то сбоку недалеко
Вражеские блиндажи.

Он лежит в халате белом,
Он от холода дрожит.
Тело словно ъадубело,
Занемело,—
Он лежит.

Жиром смазанные щеки,
Как в поту, слегка блестят.
Ветви хвойные под боком,
Будто хвостики лисят.

На оптическом прицеле
Тонкий изморози след.
Что-то долго нету цели —
Живы немцы или нет?

На Украине богатой,
Среди вишен, чебреца,
Он родился в бедной хате.
Из-за немца, из-за ката
Жить остался без отца.

Мать повыплакала очи,
Пела песенку одну:
«Подрастай, расти, сыночек,
Собирайся на войну...»

Слезы матери доныне
Не оплачены сполна.
Он следит за далью синей,
Он лежит.
Колючий иней
Сыплет старая сосна.

Снова плачет Украина,
Перерезаны пути.
Провожала мама сына,
Говорила:
— Отомсти!

Может, нет ее на свете?
Запустенье на дворе.
Вновь оплакивают дети
И отцов и матерей.

Солнце всходит и заходит
Над равниною седой.
Он с траншеи глаз не сводит:
Что-то «фюрер» не выходит
За дровами, за водой.

Перекинувшись на спину,
Грудь немного отогрев,
Говорит он:
— Не застыну.
И засады не покину,
Гиусь на мушку не поддев.

И когда из-за сугроба
Двое вышли на мороз,—
Два удара в цель,—
И оба
Насмерть пали под откос.

С каждым выстрелом все жиже
Немцев дикие ряды,
С каждым выстрелом все ближе
Милой родины сады.

ТЕТЕРЕВА

Однажды грохот орудийный стих,
И вот в прозрачной, еле слышной дали,
За озером,
В березняках густых,
Опять тетерева затоковали.

Немудрые гортанные лады,
Но было в них и осени дыханье,
И трубный зов,
И бульканье воды,
И голубиной пары воркованье.

Во мне охотник устоять не мог:
Весь в пулеметных лентах и гранатах,
Из блиндажа я ринулся на ток,
Но не с ружьем пошел,
А с автоматом.

Прыжками
От осины до сосны,
По желтым мхам,
По лиственой прели
С подветренной, с восточной стороны
Я подходил к живой, к зовущей цели.

Казалось: только с просеки сверну —
На синем фоне,
Средь верхушек рыжих,
Как черную ущербную луну,
Тетерку раздобревшую увижу.

Но чем слышнее становился ток,
Чем до него короче расстоянье,
Тем явственней я слышал холодок
В однообразном птичьем бормотанье.

Какие-то фальшивые тона,
Не птичья, металлическая резкость
И грубое гуденье чугуна
Порою проносились в перелеске.

«Тетерева ли?» — думаю,
А сам
Ползу вперед.
Охотник я бывалый:
С тяжелым автоматом по лесам
Я всяких гадов пошибал не мало.

Ползу вперед.
И вот у цели я.
Раздвинулась от выстрела опушка,
И с елки, снаряжением звения,
Свалилась в мох фашистская «кукушка».

ЛЫЖИ

В детстве было:

зыбились снега,

Сыромятные ремни скрипели —

Мы неслись на лыжах в дым метели,

В лес густой, за дальние лога.

Разводили под горой костры

И, раскинув руки, пригибаясь.

Прямо через полымя с горы

Прыгали, визжа и задыхаясь.

Баловством, забавою тогда

Нам самим все это представлялось.

Нам казалось:

Пролетят года,

Подрастем, оstepенимся малость

И забросим лыжи на чердак,

Позабудем, как они скрипели.

Но года прошли,

А мы никак

С лыжами расстаться не хотели.

В боевые в нынешние дни

Мы их приравняли к пулемету.

Чтоб несли военную работу.
Очень пригодились нам они.

Все нам служит:
стужа и снега.

К паре лыж «максимку» приторочив,
Мы уходим ночью в тыл врага
По путям, которых нет короче.
Будто стекла на закате дня,
Лица полыхают на морозе.
Раненых друзей из-под огня
Мы легко и бережно вывозим.

Где и везде ходам не пройти —
Рвы, заносы белые по пояс —
Становись на лыжи
И лети
За поземкой следом хоть на полюс.

Неустанны, на ногу легки,
Проходя по фронту шагом полным,
Мы и в снежном поле — моряки,
Ведь сугробы снега — те же волны.

Не укрыться никуда врагу —
Мы нагрянем,
Мы его достанем.
Застревает вражий танк в снегу,—
Мы нигде на лыжах не застрянем.

ПРАЗДНИЧНЫЕ ПОДАРКИ

После боя у леска,
У зеленой ели
Три приятеля-дружка
Отдохнуть присели.
— Скоро праздник,— говорят.—
Как его отпразднуем?
Чем подразним,— говорят.—
Немцев —
своловочь разную?
День не маленький, ребята,
Встретить чем-то надо,
Хоть не шумно, не богато,
Хоть по паре бы на брата
Уложить гадов.
Руки, что ли, коротки,
Или мы не моряки?!

Взяли снайперки
и — в лес
Всем путям наперерез.

Увидал зверек винтовку
И скорей под снег полез.

На восходе у леска,
У зеленой ели
Три балтийских моряка
Встретились
И сели.

— Рано вышли?
— Да раненько.
— Было что?
— Да разное...
— Как живется?
— Помаленьку.
— Празднуем?
— Празднуем.

— Я застал у немцев бал
И подполз,— один сказал,—
Бросил в избу три гранаты,
Полагаю — угадал.

А другой друзьям своим
Рассказал, пуская дым,
Что у трех взял документы.
Одногого привел живым.

Третий молвил:
— Я, ребята,
Взял четыре автомата,

По дороге миномет
На пруду пустил под лед.

Праздник свой
жаркими
Встретили подарками.

ШИНЕЛЬ

Эх, шинель моя, шинель,
Длинная, походная,
В слякоть осени,
В метель
Теплая
И модная;

Черная, просторная,
Ладная, нарядная,
Краснофлотская подруга —
Шуба ненаглядная!

Три кармана, две полы,
Пуговицы в золоте,
Якоря на них светлы,
Как закаты в Вологде.

Грязь к тебе не пристает.
Полюбил тебя народ.
За одну шинель матроса
В гости девушка зовет.

И подушка, и постель,
И шатер — моя шинель.

Если надо — в жгут свернется,
На ночевке вытянется.
Ветер грянет,
Дождь польется,
Ты — моя спасительница!

Мало — дюжину штиблет
Изорвешь за пару лет,
Даже танк броню меняет,
А тебе износу нет.

Неужели ж, неужель
Я сниму свою шинель?
Неужели в самом деле,
Как закончится война,
Без шинели
По панели
Поведет меня жена?

Нет, всегда я буду в ней,
В боевой, родной,
В своей,
Как и тот, кто к нам выходит
На гранитный мавзолей.

Будет помниться война —
Тяжела была она.

Будет дорого ввойне,
Что отбито на войне.

И покуда войны есть,
На земле смертей не счастье —
Не снимать своих шинелей
Мы почтем за долг и честь.

МНЕ РАССКАЗЫВАЛ МОЙ ДЕД

Как землянка ни низка,
Как землянка ни узка,
А устроились, как дома,
Моряки у камелька.
С глаз бойцов слетает дрема
От рассказа паренька:

—Мой родной сосновый дом
Был на озере Чудском.
Наши прадеды и деды
Промышляли рыбу в нем.

Знали вдоль и поперек
Каждый щучий уголок,
Все утиные затоны,
Каждый кустик и порог.
Все озерные законы
Знали вдоль и поперек.

Знал охотник и рыбак,
Молодой и старый — всяк,

Что судит Чудское в бурю,
Перед чем шумит
И как.

Мне рассказывал мой дед,
Что назад семь сотен лет
Наше озеро однажды
Ликовало — меры нет.

Рыба шла на берега,
Ветер соль расплескивал,
Пена — белые снега.
От мороза резкого
Лед зимой потрескивал.

И случилось:
В этот год
Лютый враг попал под лед.
Наши сбили в полынью
Всю немецкую «свинью».

В эту осень то же было:
Шибко озеро ходило,
Шибко билось, бушевало,
Старикам оно вещало.

Старики сказали так:
— Видно, к нам нагрянет враг,

Снова быть на дне врагу —
Тот же шум и тот же гул.

Враг нагрянул, как сказали,
И, когда мы отступали,
Дед твердил мне об одном:
— Быть врагу на дне Чудском!

Как хотите, только я
Верю старому, друзья.

И не в том, конечно, дело,
Что Чудское так шумело.
Дело в том, что на Чудском —
Мой родной сосновый дом.
Дело в том, что за Чудским
Жили мы и жить хотим.

Наши села там и дети,
Наши лодки,
Наши сети.
И раздолье пашен,
И леса, и все на свете
Наше, наше, наше!

Как же не поверю я
Старому поверию?

Снова глуби на Чудском
Немцами набьем битком.

Немцам старый бой знаком,
Грянет не такой еще!
Скоро будет на Чудском
Новое побоище!

ВЕРИМ В СТАЛИНА

Словно гром над страной гремит,
То родной народ говорит:
— Верим в Сталина —
Нашу силу.
Как ни грозен поход врага,
Мы загоним врага в могилу,
И ее заметут снега.

— Верим в Сталина —
Нашу славу.
Не потухнет кремлевский свет.
Отстоим родную державу —
Нам без родины жизни нет.

— Верим в смелость свою и твердость,
В непреклонность сердец своих.
Верим в Сталина —
Нашу гордость,
Знамя храбрых и молодых.

Солнце гонит тьму и ненастье.
Победим, истребим врагов!..

Верим в Сталина,
В наше счастье,
В крепость партии большевиков.

Смерти страх морякам неведом,
С мощным кличем идут вперед:

— Верим в Сталина:
Он — победа!
Верим в Сталина:
С ним народ!

СОДЕРЖАНИЕ

Призыв	
Не позабыть мне первых схваток	6
Красная Горка	8
Сталин в землянке	10
Баллада о балтийском танке	12
Остров	15
Землянка	18
Поле	22
Гварищу по окопу	24
Русские мы	26
Москва читает стихи	28
«Владыка мира»	30
Предатель	33
Снайпер	36
Тетерева	39
Лыжи	41
Праздничные подарки	43
Шинель	46
Мне рассказывал мой дед	49
Верим в Стالина	53

Редактор *C. Обрадович*
A61277.

Подписана к печати 18/VIII 1942 г.

Колич. печатн. листов 1,75.

Авторских листов 2,02

Учетно-изд. листов 2,12

Колич. веч. ви. в листе 43616.

Тираж 10 000 экз. Заказ 887

Цена 1 р. 25 к.

Типография „Красный печатник“,
ул. 25 Октября, 5.